

НИКИТА КИЧКИН

Я УКРАЛА НОЧЬ У ХОЗЯИНА МАЯКА

Никита Кичкин

Я украла ночь у хозяина маяка

«Автор»

2026

Кичкин Н.

Я украла ночь у хозяина маяка / Н. Кичкин — «Автор», 2026

В Ладоре. ночь можнозапереть в бутылке, а имя человека — обменять на ясный фарватер. Когда сестра Миры исчезает из памяти целого города, девушка проникает в маяк и крадёт бутылку с её голосом. Хозяин маяка Орин знает, как остановить обмен, но каждый раз, защищая людей, теряет дорогое воспоминание. Чтобы вернуть сестру и раскрыть сделку городского совета с морем, Мире придётся довериться человеку, которого она считала виновным в гибели матери. А когда маяк заберёт у Орина память о ней, хватит ли им обоим смелости выбрать друг друга снова?

© Кичкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Воровка темноты	6
Глава 2. Седьмая линза	8
Глава 3. Имена на бумаге	10
Глава 4. Подпись	12
Лея. За три недели до встречи	14
Глава 5. Живая и забытая	16
Глава 6. Письмо матери	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Никита Кичкин

Я укpала нoчь у хoзяина маяка

Я укpала нoчь у хoзяина маяка

Никита Кичкин

Глава 1. Воровка темноты

Когда в городе Ладор гасли окна, море становилось светлее неба. По воде медленно шли серебряные дорожки. Не лунные: луны над Ладором не видели уже девятнадцать лет. Свет поднимался из глубины, будто кто-то там, под корабельными киями, зажигал тысячи маленьких ламп.

Мира знала, что красота обманчива. На этой воде исчезла её сестра.

Она стояла у стены маяка с мешком за спиной и считала удары часового колокола. После третьего смотритель обходил нижнюю галерею. После четвёртого возвращался к винтовой лестнице. Между ними оставалось сорок ударов сердца, чтобы добраться до комнаты, где хранили ночи.

— Ты опоздала, — прошептала она себе.

Не смотритель. Дождь. Начавшийся дождь делал камни скользкими, а у Миры не было второй попытки. Утром архивный совет должен был сжечь последние бумаги, где значилось имя Леи. Потом город официально признает, что никакой Леи не существовало. Её платье, её письмо и тяжёлая деревянная расчёска станут вещами без хозяйки. Мира уже видела, как это происходит с другими исчезнувшими: люди постепенно переставали узнавать фотографии, а затем и спрашивать, чьи лица на них.

Она пролезла в узкое окно, ободрав ладонь о кирпичный край, и оказалась в кладовой. Здесь пахло мокрой верёвкой и железом. За дверью раздались шаги. Мира прижалась к бочке с ламповым маслом. Шаги прошли мимо, не задерживаясь.

Она выдохнула и поднялась по лестнице. На третьей площадке дежурил медный фонарь, стекло которого было тёмным. В Ладоре тьма не означала пустоту. Её собирали, перевозили, покупали, запирали в толстых бутылках. Тёмное стекло этого фонаря стоило больше, чем книжная лавка Миры вместе со всеми её долгами. Хранилась в нём всего одна беззвёздная ночь.

За неделю до исчезновения Лея написала: «Если они скажут, что я уехала, не верь. Ищи ночь с красным швом». Мира трижды перечитала письмо, пока слова не начали царапать глаза. Вчера она узнала от старого стекольщика, что бутылка с красным швом находится в маяке.

Сверху скрипнула дверь. Вниз по ступеням спускался мужчина.

Мира нырнула в нишу за запасными линзами. Мужчина остановился так близко, что она увидела кожаные шнуры на его сапогах. Он держал ключи на цепочке и смотрел не туда, где она спряталась, а на тёмный фонарь.

— Выходи, — сказал он.

Она не двинулась.

— У тебя кровь на третьей ступени. И на шестой. На девятой уже не видно, но она там тоже есть.

Мира опустила взгляд на ладонь. Кровь действительно сочилась между пальцами. Мужчина не повысил голоса; это раздражало сильнее угрозы. Он говорил, как продавец, которому надоело объяснять цену.

— Я пришла вернуть вещь, — сказала она, выходя из ниши.

— Приходят вернуть вещь через парадную дверь.

— Через парадную меня бы не пустили.

— Значит, вещь не твоя.

Лицо хозяина маяка она видела на городских объявлениях. Орин Вельт. Тридцать два года, старший хранитель Огня. Шесть лет назад он единственный вернулся с ночного перехода через Серый пролив. Тогда вместе с двумя кораблями исчезли сорок три человека. Среди них

была мать Миры. Город называл Орина спасителем тех, кто остался на берегу. Мира не называла его никак.

В живом человеке было меньше торжественности, чем на портрете. Мокрые волосы прилипли ко лбу. На вороте старого плаща торчала нитка. Только глаза оставались такими же: светлые, неподвижные, будто он видел не её лицо, а то, что лежало за ним.

— Где бутылка с красным швом? — спросила Мира.

Его рука едва заметно замерла на связке ключей.

— Кто сказал тебе о ней?

— Значит, она здесь.

Орин шагнул вниз. Между ними осталось три ступени. Мира успела подумать, что он схватит её за запястье. Вместо этого он наклонился и поднял с пола стеклянную занозу.

— Ступай домой, — сказал он. — Пока звонок не дошёл до верхней комнаты.

Вверху зазвенел колокол. Не часовой: короткий, испуганный звук, как ложка о край чашки.

Орин резко посмотрел вверх. Мира воспользовалась мгновением. Она бросила ему под ноги мешок с пустыми переплётными пластинами, а сама побежала вверх. Железо рассыпалось по ступеням. Орин выругался вполголоса; она не разобрала слов.

Комната ночей оказалась не заперта. Десятки бутылок стояли в глубоких ячейках. Внутри каждой плескалась плотная темнота. Мира не могла представить, как запирают в стекле то, от чего обычно приходится спасаться. Она быстро шла вдоль полок: белые швы, зелёные, жёлтые. Красный нашёлся в самом конце, под номером двадцать семь.

На бутылке рукой Леи было выцарапано крошечное «М».

Мира схватила её и повернулась к выходу. На пороге стоял Орин. В руке у него был фонарь без огня.

— Поставь, — сказал он.

— Это почерк моей сестры.

— Вот почему ты должна поставить бутылку.

— Ты всегда так объясняешь людям, почему они не могут искать своих близких?

Он ничего не ответил. Мира увидела, что за его спиной коридор заполняется белым туманом. Он полз по ступеням против ветра и дождя, не касаясь камней. Из него проступили четыре человеческие фигуры. Не лица — только очертания плеч и рук.

Орин тоже их увидел.

— Убери бутылку от окна.

— Зачем?

— Её ищут.

Мира прижала стекло к груди. Холод прошёл сквозь пальто. Снаружи фигуры одна за другой поворачивали головы к комнате. На их месте темнота оставалась слишком ровной.

— Разбей её, — неожиданно сказал Орин. — Сейчас.

Мира подумала о последнем письме Леи. «Ищи ночь». Не «отдай хранителю». Не «разбей». Она швырнула бутылку на пол прежде, чем успела передумать.

Красный шов лопнул. Тьма ударила в стены, как вода в тесный колодец. Лампы погасли. На секунду исчез даже свет далёкого города. Из разбитого стекла поднялся голос её сестры, слабый, будто Лея говорила из соседней комнаты через закрытую дверь.

— Мира. Не позволяй им зажечь седьмую линзу.

Потом чья-то рука обхватила Миру за плечи и повалила на пол. Над их головами лопнуло окно. Белые фигуры вошли вместе с осколками.

Глава 2. Седьмая линза

Орин закрыл Миру собой. Он не произнёс заклинания, не вытащил оружия. Просто поднял фонарь, который до сих пор держал, и открыл маленькую заслонку у основания. Внутри вспыхнула чёрная искра. Фигуры отшатнулись, будто их обожгло.

— Нужна лестница, — сказал он, и Мира не сразу поняла, что это обращено к ней.

Они ползком добрались до двери. Орин толкнул её, пропустил Миру вперёд и захлопнул. Белые пальцы прошли сквозь древесину, оставив на ней сырые пятна.

— Кто это?

— Пустые. Люди, у которых отняли имена.

— Такие, как Лея?

Он промолчал. Этого хватило.

Они спускались быстро. На втором пролёте Орин остановился и приложил ладонь к стене. Камень задрожал. Под штукатуркой прошла полоса огня, перечеркнувшая лестницу позади них. Пустые не смогли её переступить. Мира с удивлением увидела, что пальцы Орина после прикосновения стали почти прозрачными.

— Тебе больно? — спросила она.

— Потом.

Он вывел её через нижнюю дверь к морю. Дождь прекратился. На пирсе ждали два караульных с деревянными масками на поясе. Один поднял фонарь.

— Хранитель, на башне пробит верхний круг.

— Затворите мол и не пускайте суда до рассвета. Линзу выключить нельзя.

— А она?

Караульный смотрел на Миру так, будто она была повреждённой частью механизма.

— Она со мной, — сказал Орин.

Он повёл её не к ратуше, как она ожидала, а к маленькому дому за каменной оградой маяка. В кухне горел настоящий огонь. Мира остановилась на пороге: после тьмы в бутылках и белых силуэтов простое тепло казалось почти подозрительным. Орин поставил перед ней таз с водой и чистую ткань.

— Порез надо промыть.

— Ты держишь людей без имён в маяке?

— Нет.

— Но они пришли за бутылкой.

— Да.

— Дай мне ответ целиком.

Орин достал из шкафа бинт. Он двигался аккуратно, словно каждое движение требовало расчёта. Мира заметила, что прозрачность в пальцах прошла, но под кожей остались серые линии.

— Девятнадцать лет назад над проливом исчезла луна, — начал он. — Мы говорим детям, что она ушла за горизонт. Это неправда. Её свет заперт в семи линзах маяка. Пока они горят по очереди, туман не входит в город. Когда горит седьмая, он отступает дальше всех. Вместе с туманом исчезают люди, которых в этот момент можно назвать вслух.

— Можно назвать вслух?

— Люди с незащищёнными именами. Их находят заранее.

— Кто?

— Совет.

Мира рассмеялась от неверия. В книжной лавке на главной площади висело постановление того же совета о том, что всякий житель имеет право на защиту от тумана. Под ним Мира продавала ученикам тетради.

— И ты зажигаешь линзу, зная об этом?

— Я не зажигал седьмую уже шесть лет.

— Тогда кто?

— Кто-то нашёл способ обходить башню.

Мира посмотрела на него. Не потому, что поверила. Потому, что у его левого виска дрогнул мускул, когда он произнёс это. Слишком неприметная перемена для актёра. Он боялся и не хотел, чтобы она это увидела.

— Лея работала в архиве, — сказала Мира. — Ей поручили описать старых имён. Через три дня она исчезла. Совет объявил, что она уехала в северные округа.

— Я знаю.

— Почему не пришёл ко мне?

— Она просила не делать этого.

В груди Миры поднялась такая злость, что воздух стал тесным.

— Не говори от её имени.

Орин вынул из внутреннего кармана письмо. Бумага была сложена в четыре раза, по краям стояла соль. Мира узнала резкие буквы сестры с первого слова: «Если я не вернусь, не отдавайте Мире ничего, пока она не поймёт, что ночь можно разорвать». Следом шёл рисунок бутылки и красный шов.

— Это не просьба прятать от меня правду, — сказала Мира.

— Она знала, что ты придёшь. Знала, что найдёшь бутылку. Я надеялся успеть раньше пустых.

Он умолчал о том, почему не успел. Впрочем, Мира сама вспомнила кровь на ступенях. Она оставила след.

За окном ударил колокол маяка. Раз. Два. Потом — третий звон, которого в этот час быть не должно.

Орин побледнел.

— Седьмую линзу включили, — сказал он.

Мира выбежала к окну. Над городом появился узкий красный луч. Он медленно водил по крышам, как палец по списку. Там, где он касался улицы, люди останавливались и хватались за виски. Одна женщина у колодца посмотрела на ребёнка рядом с собой и спросила, чья это девочка.

Мира узнала их: пекарь Сара и её дочь Нина. Нина потянулась к матери, но та отступила.

— Выключи её, — потребовала Мира.

— Для этого нужна нижняя дверь в башне. Ключ у совета.

— У тебя нет копии?

Орин посмотрел на бутылочные осколки, которые Мира всё ещё держала в руке. На одном красный шов не исчез. Он потемнел и превратился в букву.

— У нас есть карта, — сказал он. — Если твоя сестра успела договорить.

Глава 3. Имена на бумаге

К рассвету они нашли в осколках пять букв. Мира разложила их на кухонном столе, прижимая маленькими грузиками, чтобы не поранить пальцы. Лея всегда любила загадки, в которых буквы собирались в неправильном порядке. В детстве она устраивала сестре поиски подарков по всему дому; подсказка с «кладовой» могла указывать на место под кроватью, потому что хранила там коробку с камешками. С Леей нужно было думать не о значении слова, а о том, как она сама его называла.

Получилось «солон». Так Лея называла старую соляную кладовую в архиве, закрытую после наводнения.

— Вход там, — сказала Мира, — под восточным двором.

Орин начертил план двора на обратной стороне квитанции. Удивительно ровные линии выходили из его рук. Он показал место, где когда-то шёл служебный туннель к маяку. Сейчас его не было на городских схемах.

— Ты там бывал?

— В тот год, когда пропала твоя мать.

Мира подняла взгляд. Он не отвернулся.

— Ты сказал, что единственный вернулся с кораблей.

— Так записано в книге порта. Я не садился ни на один из них.

Снизу опять поднялась злость. Шесть лет люди рассказывали о ночи в проливе, не зная даже, кто стоял на палубе.

— Ты позволил им думать, что пережил то, что пережили другие.

— Я пытался назвать тех, кто туда пошёл. Каждый раз после этого забывал их ещё один человек. Совет решил, что молчание спасёт оставшихся.

— Совет много чего решает за других.

Орин сложил квитанцию и отдал ей. Мира хотела продолжить, но увидела, как он стоит, держась за край стола. Серые линии поднялись от пальцев к запястью. От движения стены ему стало хуже.

— Сядь, — сказала она.

— Нам нужно идти.

— Тогда сначала скажи, что случилось с рукой.

— Запустил защиту без платы. Башня заберёт её позже.

— Что значит «плата»?

Он посмотрел на дверь. Мира решила, что Орин опять уклонится, и неожиданно для себя ощутила не только раздражение, но и усталость от попытки пробить его привычное молчание. Он всё же ответил:

— Воспоминание. Башня выбирает не самое старое, а самое дорогое.

Тогда ей стало ясно, почему в городе люди исчезали дважды: сначала из домов, потом из памяти тех, кто мог вернуть их имена.

На улице пахло мокрым хлебом. Сара стояла у своей пекарни и всматривалась в Нину, сидевшую на пороге. Девочка шептала ей что-то про тёплую корку, которую они обычно делили утром. Сара плакала и не решалась прикоснуться к дочери. Мира остановилась.

— Нельзя оставить их так.

Орин достал небольшой тёмный камень с продольной бороздой.

— Скажи матери одну вещь, которую знает только она.

Мира подошла к пекарне. Сара встретила её растерянным взглядом.

— Когда Нине было четыре, она спрятала в печи деревянную лошадку, — сказала Мира. — Вы неделю искали её в доме. Потом Сара, то есть вы, долго ругались на себя за то, что затопили печь.

Нина кивнула с такой серьёзностью, будто подтверждала свидетельство в суде. Сара прикрыла рот рукой.

— Откуда ты...

— Вы мне рассказывали. В прошлом году. Доверяйте этому, даже если лицо кажется чужим.

Орин провёл камнем над ладонью Сары. Тёмная борозда засветилась. Сара вдруг протянула руки к дочери. Память не вернулась целиком — это было видно по испуганному движению, — но узнавание удержалось. Нина упала ей на грудь.

— Камень закончится? — спросила Мира, когда они отошли.

— Скоро. Поэтому нам надо выключить линзу, пока город ещё помнит, кто в нём живёт.

У архива дежурили стражники. Орин отдал Мире свой плащ. Он был длиннее её на ладонь и пах солью. Мира не хотела принимать ничего от этого человека, но на узкой улице стража замечала знакомые цвета раньше лиц. Она надела плащ и пошла как работница маяка, которая раздражена ранним поручением. Орин нёс свёрток линз и держался на шаг позади.

Стражник проверил печать на свёртке, не заглядывая внутрь. Печать была настоящей. Линзы — тоже. Орин выносил их на чистку вчера, но не успел вернуть. Мира подумала, сколько ещё вещей он оставляет недоделанными из-за того, что приходится следить за тайной всего города.

Во дворе они нашли дверь соляной кладовой. Она открывалась внутрь, хотя петли висели снаружи. Лея в детстве любила такие хитрости: мастер показывал замок и заставлял смотреть на него, пока сам снимал засов с другой стороны. Мира коснулась нижнего камня. Он сдвинулся. За дверью щёлкнул невидимый противовес.

— После тебя, — сказала она Орину.

— Ты мне не доверяешь.

— Наконец-то мы оба это заметили.

Он неожиданно улыбнулся. Очень коротко, словно сам не рассчитывал на это движение. Потом вошёл первым.

В кладовой на стенах проступала соль. По полу текла вода, хотя вчера не было прилива. В глубине стояли столы с разложенными книгами. Лея была аккуратной, но страницы валялись открытыми, будто она ушла в середине работы. В одной книге Мира нашла список людей, чьи имена стирали. Рядом с каждым стояла дата и номер линзы.

На последней странице была запись, сделанная вчерашним числом. «Мира Севен. Седьмая линза. Приказ подтверждён председателем совета».

Под подписью стояло ещё одно имя. Орин Вельт.

Глава 4. Подпись

Мира не помнила, как подняла нож для бумаги. Только ощутила его холод между пальцами. Орин увидел лезвие и не двинулся.

— Твоя подпись, — сказала она.

Он прочёл запись. Сначала спокойно, потом ещё раз, медленнее. Слова не менялись. Мира ждала объяснения, которое она смогла бы ненавидеть. Ложь была бы проще, чем то, что отразилось на его лице: узнавание собственного почерка и полное отсутствие памяти о дне, когда он его оставил.

— Я не помню, — сказал он.

— Это удобно.

— Слишком. Поэтому я не прошу тебя верить мне.

Мира положила нож на стол. Не потому, что перестала бояться его, а потому, что от бумажного ножа нельзя было защититься от приказа, уже написанного и подписанного.

— Мы пойдём разными дорогами, — сказала она. — Ты возьмёшь лист и отнесёшь его своим людям. Я найду Лею.

— Если твоя запись в списке настоящая, ты не дойдёшь до выхода со двора.

— Твоя забота запоздала на одну подпись.

Он не стал её удерживать. Вместо этого Орин повернул книгу к свету и указал на край страницы. Подпись лежала поверх соляной пыли; остальные чернила глубоко впитались в бумагу. Кто-то добавил её совсем недавно. Но имя Миры было написано тем же старым составом, что и предыдущие строки. Приказ о ней существовал до вчерашнего дня.

— Как давно? — спросила она.

— Возможно, с момента исчезновения Леи.

В стене кладовой что-то стукнуло. Раз, потом ещё два. Орин приложил ухо к соли. Мира увидела, как под дверью появляются капли. Вода просачивалась из двора. Прилив ещё не должен был начаться.

— Они затапливают архив, — сказал Орин.

Мира собрала книги в холщовый мешок. Среди них был тонкий альбом, обтянутый серой тканью. На первой странице детской рукой Лея нарисовала маленький дом и подписала: «Здесь можно назвать всё». Мира унесла альбом тоже.

За кладовой начинался тоннель. Они шли по колено в воде, пока не дошли до развилки. Камни здесь были гладкими, отшлифованными многими годами приливов. По левой стене тянулись следы рук. Правую украшали маленькие металлические таблички. На каждой выбито имя. Их было так много, что Мира перестала считать через несколько десятков шагов.

— Это те, кого забрали? — спросила она.

— Это те, кого не удалось забыть.

Она нашла имя матери почти сразу. «Элина Севен». Под ним было место для второго имени, но металл оставался чистым. Мира провела пальцем по буквам. Боль пришла неожиданно спокойно: не волной, а холодной тяжестью в груди.

— Ты сделал это? — спросила она.

Орин кивнул.

— После пролива я записал всех, кого смог вспомнить. На следующий день список стал короче. Так я понял, что бумага поддаётся башне, а металл нет.

— Почему не рассказал семьям?

— Я рассказал. Через три ночи имена на табличках остались, но семьи перестали знать, кого ищут. Без самого человека имя не всегда удерживает память.

В конце ряда была пустая табличка. Рядом лежало зубило. Мира подняла его.

— Тогда давай хотя бы не оставим пустоту на месте Леи.

Она выстучала буквы сама. Каждый удар отдавался под землёй. Орин держал фонарь, не торопил её и не пытался взять зубило. Когда Мира закончила, на табличке стояло: «Лея Севен. Жива, пока её зовут».

— Ты не знаешь, жива ли она, — тихо сказал Орин.

— Я знаю, что не стану писать обратное, пока не увижу её.

Из темноты ответил голос:

— Это разумное правило, сестра.

Мира обернулась так быстро, что плечом ударилась о стену. В конце тоннеля стояла Лея. Та же короткая куртка, в которой она ушла в архив. Те же волосы, собранные слишком туго, потому что она ненавидела пряди на лице. Только глаза казались не тёмными, а прозрачными, как морская вода над белым песком.

— Не подходи к ней, — сказал Орин.

Лея улыбнулась Мире.

— Он научился меня бояться. Это полезно. Но сейчас нам не до его страхов: вода поднимается.

Лея. За три недели до встречи

Вечером исчезновения Лея ещё считала, что вернётся к ужину. Она оставила на плите суп и записку Мире: «Не забудь выключить огонь». Потом пошла в архив, потому что старый писарь сообщил о новой папке из портовой канцелярии. В ней должны были находиться сведения о последнем рейсе матери.

Папка лежала на её столе, будто кто-то специально положил её сверху на остальные. На обложке не было номера. Внутри — списки чужих имён, дат и сумм. Первые строки она приняла за неудачно составленный грузовой реестр. В колонке «цена» стояли дни ясного моря. В колонке «поставщик» — фамилии членов совета. Лея перевернула страницу и увидела имя матери.

Она не села. Пошла к окну, посмотрела на улицу, где двое мальчишек спорили из-за мокрой верёвки. Мир казался прежним до боли. Лея вернулась к столу и прочла всё с начала. Элина Севен была не жертвой шторма, а строкой в договоре. Рядом рукой Вейры стояло «передана». Не погибла, не пропала — передана. Это слово было хуже любого другого.

Лея оторвала свободный лист и начала переписывать сведения. Тогда за спиной открылась дверь. Она обернулась, ожидая писаря, но вошла Вейра Лонт.

— Вы нашли нужную папку, — сказала председательница.

— Кто её принёс?

— Я.

Вейра не прятала рук. На одной она носила кольцо с белым камнем. Лея знала, что кольцо служило ключом к архивным залам, куда простых сотрудников не пускали. Она положила свой лист под книгу, надеясь, что председательница не заметит.

— Зачем показывать мне это? — спросила Лея.

— Потому что вы уже искали. Лучше пусть ответ придёт от меня, чем из слухов. Вашу мать я уважала. Она знала, что порту нужна спокойная вода.

— Она не соглашалась стать ценой.

Вейра промолчала ровно столько, сколько нужно, чтобы Лея услышала подтверждение. Потом закрыла дверь и повернула кольцо. По полу прошёл красный круг света.

— Я не хочу лишать вашу сестру семьи второй раз, — сказала она. — Отложите бумаги. Вернитесь домой. Завтра вы забудете эту запись и продолжите работу.

— Ты часто так говоришь людям?

— Только тем, кого можно спасти без крови.

Лея ухватила папку и бросилась к окну. Оно было слишком узким, но можно было разбить стекло и закричать. Красный круг догнал её раньше. Звук улицы исчез. Она видела мальчишек с верёвкой, видела, как один из них повернул голову, но не услышала ни слова.

Вейра подошла.

— Я оставлю тебе память. Без неё ты не годишься в башне.

Лея хотела ответить, что не станет работать на неё. Рот двигался, голоса не было. Красный свет вошёл в грудь, как холодная вода. Потом пол разошёлся, и Лея упала в комнату под архивом. Там не было окон. Соль покрывала стены. Под ногами лежала книга отдачи.

Вейра спустилась следом и назвала ей новое имя, которого Лея не приняла. Имя ударило по слуху, будто непривычное слово на чужом языке. Она прижала ладони к ушам, но оно продолжало звучать внутри.

— Ты будешь читать списки, — сказала Вейра. — Пока не научишься делать это без ошибок.

Она ушла. Лея осталась одна. Сначала она пыталась открыть дверь, потом кричала, пока не поняла, что голос слышит только вода под полом. В воде двигались силуэты. Один поднял руку. Лея ответила тем же. Так начался их разговор.

Первые дни она искала способ послать Мира письмо. Бумага в комнате была, чернила тоже. Но всё, что Лея писала о себе, утром бледнело. Башня знала, какие слова принадлежат удержанной. Тогда она взяла старую бутылку для ночи и прошила шов красной ниткой. Внутри записала голос, не буквы. Вейра проверила полки и ничего не нашла: ночь в стекле выглядела как сотни других.

Орин однажды пришёл в нижнюю комнату. Он увидел Лею и остановился. Она собиралась ударить его книгой: в городе его считали человеком, который вернулся с корабля без её матери. Но он назвал Элину правильно. Не как Вейра, не как архив — со старым домашним ударением, которым пользовалась только семья. Лея не ударила.

— Я пытаюсь найти людей, — сказал он. — Седьмую линзу запустили без меня.

— Ты всё ещё служишь здесь.

— Пока служу, могу открывать двери. Если уйду, их закроют на всех.

Она не поверила ему целиком. Отдала только условие: если придёт Мира, пусть никто не говорит ей, что Лея мертва. И пусть Орин не выдаст бутылку сам. Мира должна найти её, когда будет готова услышать. Это казалось жестоким, но Лея знала сестру: та бросилась бы на совет без плана, если бы получила готовый ответ слишком рано.

Когда Орин ушёл, Лея пожалела о последней мысли. Мира не нуждалась в том, чтобы старшая сестра решала за неё. Но уже было поздно. Она выцарапала на бутылке маленькое «М» и ждала, пока голос дойдёт до той, кому принадлежал.

Глава 5. Живая и забытая

Лея первой ступила навстречу. Мира не сделала ни шага. Она помнила, как сестра, смеясь, воровала у неё самое тёплое одеяло. Помнила запах клея на её пальцах после работы с архивными папками. Теперь Лея стояла перед ней, похожая на себя до последней пуговицы, но воздух вокруг неё дрожал, как над раскалённым камнем.

— Что со мной не так? — спросила Лея, заметив её неподвижность.

— Ты исчезла.

— Я знаю. Я была там, когда это случилось.

За её спиной вода ударилась о поворот тоннеля. Орин выставил фонарь и заслонил Мире путь. Лея посмотрела на него с усталостью, которую Мира узнала бы даже в чужом лице.

— Если бы я хотела причинить ей вред, я могла сделать это наверху, — сказала Лея. — Я слышала, как вы разбили ночь.

— Пустые услышали тоже.

— Их прислала Вейра. Меня она разучилась держать.

Председательницу совета звали Вейра Лонт. Она прожила в городе столько, сколько Мира себя помнила; на праздниках говорила ровным голосом о долге перед морем и улыбалась детям. Ей первой Мира написала письмо после исчезновения Леи. Ответ пришёл через день: «Архив подтверждает добровольный отъезд сотрудницы». Подпись стояла аккуратная, с длинным хвостом у последней буквы.

— Что она с тобой сделала? — спросила Мира.

— Отрезала моё имя от всех, кто знал меня, кроме тебя. Ты держалась за письмо. А я держалась за мысль, что ты придёшь за ним.

Лея вытянула ладонь. Сквозь кожу просвечивали струйки воды. Мира подошла ближе. Орин не остановил её, только передвинулся так, чтобы видеть сестёр обеих.

— Больно? — спросила Мира.

— Иногда. Когда кто-то произносит меня неправильно. Когда Вейра зовёт тем именем, которое придумала для службы.

— Ты служишь ей?

Лея опустила руку. Вода поднялась до её щиколоток и просочилась сквозь сапоги без всплеска.

— Пока её ключ в башне. Я не могла уйти. Но могу показать вам, где она прячет книгу отдачи. Там записано, кого туман забрал на самом деле.

Орин повернулся к Мире.

— Ты решаешь, — сказал он. — Если пойдём за ней, назад через архив уже не выйдем.

Раньше Мира раздражалась бы, что он предлагает выбор в ту минуту, когда выбора почти нет. Сейчас она увидела в этом усилие: он не хотел снова решать за неё. За город. За тех, чьи имена носил с собой.

— Идём, — сказала она.

Лея повела их в левый тоннель. Указатели на стенах были стёрты водой; она не смотрела на них. Через несколько поворотов они вышли к круглой комнате с полом из чёрного стекла. Под ним двигались бесцветные силуэты. Одни тянулись к поверхности, другие лежали неподвижно. В центре стоял стол, а на нём — огромная книга в солёной кожаной обложке.

— Книга отдачи, — сказала Лея. — Вейра приходит сюда каждое утро после седьмого света.

Мира открыла книгу. Имена шли двумя колонками: «удержанные» и «переданные». Во второй она сразу увидела мать. Сердце пропустило удар, пока глаза искали продолжение

строки. «Передана за девяносто три дня ясного фарватера». Рядом стояли фамилии моряков, пропавших вместе с ней.

— Их обменяли на погоду? — спросила Мира.

— На время, — ответила Лея. — Совет продаёт торговым домам безопасные рейсы. За каждый рейс море берёт имена. На бумаге они значатся как люди, погибшие от тумана. На деле их выбирают заранее.

Мира закрыла книгу и тут же открыла снова. Ей хотелось найти ошибку в словах, но ошибки не было. За девяносто три дня кто-то заработал столько, что хватило бы выкупить половину гавани. Мать отдала жизнь за чужой груз, а её дочерям рассказали, что она сама отправилась в опасный рейс.

— Почему ты об этом знала и молчала? — спросила она Лею.

— Я не знала, пока не стала одной из удержанных. У живых не было доступа к этой книге.

В верхней колонке Мира нашла её имя. Напротив: «назначена ключом к новой линзе». Дата была назначена на завтрашнюю ночь.

Орин стоял рядом и читал через её плечо.

— Новая линза, — сказал он. — Седьмая была последней.

— Была, — подтвердила Лея. — Вейра научилась делать восьмую. Она хочет, чтобы маяк управлял не только проливом. Всем берегом.

Из стеклянного пола поднялся стук. Кто-то внизу ударил ладонью точно под ногами Миры. Стекло не треснуло, но книга сама захлопнулась. Лея побледнела.

— Она уже здесь.

Глава 6. Письмо матери

Они унесли книгу через верхний ход, который Лея держала открытым собственной тенью. Пока тень лежала поперёк дверного порога, тяжёлый затвор не мог сдвинуться. Мира хотела помочь, но Лея только махнула рукой. Боль проходила по её лицу, когда Мира пыталась назвать её по имени; имя удерживало форму, но одновременно напоминало ей обо всём, что она потеряла.

Выйдя на улицу, Лея остановилась под солнцем. Несколько прохожих прошли сквозь её плечо, не заметив. Она смотрела на них без обиды, словно давно привыкла быть препятствием только для тех, кто помнил.

— Я не могу идти с вами днём, — сказала она. — Вейра найдёт меня по тени. К ночи приду к вашей лавке.

— Ты уже уходила, — ответила Мира. — Я не готова снова просто ждать.

Лея достала маленький латунный звонок, который когда-то висел над дверью их дома.

— Позвони трижды, если понадобится. Я услышу, даже из башни.

Мира взяла звонок. Он был тёплым. Сестра коснулась её щеки и исчезла так же внезапно, как появился утренний ветер с моря.

Орин предложил идти к его дому. Мира отказалась. Ей нужно было открыть лавку, увидеть привычные полки и понять, что этот день всё ещё принадлежит ей. Он пошёл рядом, не споря.

В книжной лавке пахло бумагой и сушёной лавандой. Её помощник, седой господин Тисс, дремал за прилавком. Увидев Миру, он вскочил.

— Вас искали двое из совета, — сказал он. — Я ответил, что вы ушли закупать бумагу. Они спросили, на какой улице. Я сказал — на бумажной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.